

Второй ошибки не будет

Автор:

Мария Воронова

Второй ошибки не будет

Мария Владимировна Воронова

Суд сердца. Романы М. Вороновой #6

Ирине предстоит судить коллегу, прокурора Макарова, виновного в ДТП со смертельным исходом. Сам он не помнит, что произошло, но свидетели единодушны – Макаров на большой скорости выехал на полосу встречного движения. Народ требует самого сурового наказания для зарвавшегося чиновника, да и сама Ирина считает, что прокурор заслуживает кары, как никто другой, только в деле, как всегда, есть нюансы, с которыми надо разобраться...

Мария Воронова

Второй ошибки не будет

© Воронова М., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Часть 1

Ноябрь

Днем Федор держался, а ночами с тоской смотрел в темный больничный потолок, пытаясь осознать, что человек погиб по его вине. Осторожно, стараясь не разбудить соседей, он вставал, пил воду и тихонько выходил в длинный коридор, где под потолком бездушно мерцали вполсилы лампы дневного света.

Федор садился на банкетку, смотрел в темноту окна и думал, что его жертва ничего уже не видит и не слышит, и никаким раскаянием изменить это нельзя.

Иногда к нему подходила постовая медсестра, спрашивала, не плохо ли ему и не помочь ли чем, а Федор отвечал, что все в порядке, а в палате просто душно.

Сестричка убегала по своим делам, исчезая в полумраке бесконечного коридора и оставляя Федора на растерзание памяти.

Он видел Мишу Воскобойникова последний раз летом, когда приезжал к его отцу на дачу. Миша, растянувшись в плетеном кресле на веранде, ел яблоко, хищно кусая это яблоко белыми зубами, и Федор помнил, как остро тогда то ли восхитился, то ли позавидовал Мишиной молодой силе.

Зная, что делать это не нужно, он все-таки посоветовал парню быть осторожнее, потому что возможности прокурора не безграничны, а юный Воскобойников посмотрел на него, как на насекомое, хмыкнул и снова вгрызся в свое яблоко. Глаза у него были серые, стальные и холодные.

А теперь по его, Федора Константиновича Макарова, вине это сильное красивое тело мертво, лежит в земле и ничего не изменишь.

Как, зачем его понесло на встречную полосу? Федор хмурился, тер лоб, пытаясь вспомнить последние секунды перед аварией, но тщетно. Память молчала. Последнее, что было ясно – это как он обогнал автобус, действительно по встрече, но Федор совершенно отчетливо помнил, как после этого маневра перестроился на свою полосу. Или нет? Или это он додумал, а на самом деле только собирался вернуться на свою сторону, но мозг записал это намерение, как свершившееся событие?

Наверное, так и было, но непонятно, с чего это он решился на рискованный маневр? Федор был водитель опытный, а потому аккуратный, и лозунг «не уверен – не обгоняй» принимал как непреложную истину.

В тот день он не выпил ни рюмки и держал себя в руках, хоть и ехал с похорон любимой женщины и своего нерожденного ребенка. Тосковал по Глаше так же, как и сейчас, но до аффекта и психоза ему было очень-очень далеко.

Стоял прекрасный сентябрьский день, ни дождя, ни гололеда, и ям на том участке дороги тоже не было, это Федор знал точно, потому что до этого часто ездил с Глашей на залив. Резко спустило колесо или вообще отвалилось? Бывало такое в его шоферской практике, и Федор умел вовремя заметить неполадку, и знал, как действовать. Не заставила бы его подобная мелочь потерять управление и оказаться на встрече.

Что же случилось такое, за что поплатился жизнью Миша Воскобойников, наглый мажор, обалдевший от безнаказанности сынок, и удивительно красивый парень, перед которым простиралась широкая дорога интересного будущего, а Федор перечеркнул ее одним движением руля?

Да, Воскобойников-младший натворил много плохого, но разве от этого легче? Разве можешь ты судить человека, которого собственной рукой лишил возможности раскаяться?

Миша был еще очень молод и мог бы измениться, стать порядочным человеком, если бы Федор его не убил. Ну а когда ты лишил юношу будущего, то беспокоиться о своем собственном как-то неловко и даже гнусненько. Поэтому Федор отмахивался, когда жена говорила, что пора искать хорошего адвоката, чтобы хоть как-то защититься от папы Воскобойникова.

Тот лютовал, но ярость его была Федору понятна, он даже немного стыдился, что сам не чувствует ненависти к человеку, убившему Глашу, и не жаждет отомстить.

Наверное, легче пережить горе, когда ненавидишь, но Федор слишком во многом был виноват сам, чтобы позволить себе такую роскошь.

Он возвращался в палату, ложился, закрывал глаза и жалел, что не ушел в небытие. Он ведь почти умер в аварии, и эта смерть была не страшной, безболезненной, он совсем ее не помнил, а в следующий раз умирать придется наверняка мучительнее и труднее. Может, забьют на зоне уважаемые воры в законе, или вдруг повезет, и он умрет естественной смертью, но так легко уже точно не будет. А главное – ради чего он вернулся? Ради пустой и горестной жизни, в которой из чувств остались только тоска по Глаше и мучительное чувство вины?

Несколько дней назад сосед по палате, уже почти поправившийся и собиравшийся на выписку, внезапно умер от тромбоэмболии легочной артерии, и Федор, помогая медсестрам переложить труп на каталку, подумал: как жаль, что смерть выбрала не его, а этого симпатичного мужичка, который был счастлив и хотел жить.

Забываясь под утро тяжелым сном, Федор мечтал не проснуться, но медсестра давала ему холодный мокрый градусник – и приходилось начинать новый пустой день.

Федор пытался занять себя чтением, но взгляд равнодушно скользил по страницам любой книги, будь то классика или детектив. Периодическая печать тоже не радовала – он никогда не любил газет и журналов, а в последнее время они к тому же слишком много внимания уделяли его скромной персоне. В стороне остался, пожалуй, только «Юный натуралист», остальные издания почли своим долгом вылить ушат помоев на зарвавшегося лихача-прокурора и напомнить советским гражданам, что у нас перед законом все равны и никакие должности и регалии не помогут тебе избежать уголовной ответственности. Федор мог бы, не вставая с койки, привести множество примеров, доказывающих, что это совсем не так, поэтому обличительный пафос журналистов скорее веселил его, чем расстраивал.

Наряду с публичной поркой прокурора газеты прославляли какую-то девочку, которая, находясь в непосредственной близости от места аварии, не растерялась, а спасла ребенка, который иначе погиб бы под колесами потерявшей управление машины, а потом отважно оказывала пострадавшим первую помощь до приезда «Скорой».

Только думая об этой отважной девчонке, Федор немножко оживал. Ему хотелось познакомиться с ней, поблагодарить за свое чудесное спасение, а

главное, за то, что выхватила ребенка из-под колес и избавила его от груза, слишком тяжелого даже для его выносливой совести.

Когда его навестил следователь, Федор спросил, как можно связаться с героической девочкой, но тот ответил, что она – ключевой свидетель, поэтому общаться с нею до суда нельзя.

Что ж, делать нечего, оставалось только мысленно желать девочке всего счастья, которое только возможно в этом мире.

Хоть Федор понимал, что после суда его ждет зона, что в его случае означает смерть, все равно хотелось поскорее покончить с этой неопределенностью.

Пока он не поправился, его нельзя ни судить, ни уволить, но больничная койка уже осточертела, да и противно, если люди думают, что он не только лихач, но еще и трус, скрывающийся от правосудия за мнимой болезнью.

Жена навещала его каждый день, строгая и спокойная, как всегда, и Федор не спрашивал, понимает ли она, что жизнь ее навсегда изменилась. Не будет больше ни личных шоферов, ни спецраспределителей, ни закрытых секций магазинов, ни помощницы по хозяйству, даже таких мелких номенклатурных привилегий, как доступ к хорошим книгам, не останется. Если Таньку после суда над ним не выселят из квартиры, это можно будет считать огромной удачей.

Она приходила, вежливая и сдержанная, как мятный «Холодок», доставала из сумки разную полезную еду и свежее белье, а Федор ни о чем ее не спрашивал, не мешал ей выполнять свой долг жены до конца (ведь ничего нет лучше сознания, что ты сделал все, что мог, нигде не смалодушничал и не уклонился).

Однажды она принесла ему очередную филиппику на тему его лихачества. Толстый ежемесячный журнал тоже решил отметиться во всеобщей травле и напечатал длинный очерк, в котором автор поставил перед собой сложную задачу вывести обобщение из одного-единственного случая, отчего произведение его получилось одновременно и занудным, и кликушеским. Федор не слишком разбирался в литературе, но полагал, что очеркист-профессионал мог бы называть его не только зарвавшимся хамом, а поискать еще какие-нибудь хлесткие эпитеты для выражения своего негодования.

Пожав плечами, он вернул журнал Татьяне.

– Только я подумала, что проблема утратила остроту, как вот опять, – процедила она.

Федор поморщился:

– До суда теперь будут нагнетать, будоражить народное сознание, чтобы судьи не подумали вынести мягкий приговор.

– А такие публикации разве не противозаконны?

– Немножко. Но кто считает, когда раз в кои-то веки призвали к ответу чинушу и бюрократа?

Жена усмехнулась:

– Ну да, у меня на работе все рады, как дети. Тетки прямо трясутся от счастья, ах, наконец-то и моя корова тоже сдохла, и я дерьма похлебаю, как они.

– Ты уж прости, Таня, что так получилось...

– Федор, я не верю, что ты виноват в этой аварии, – вдруг сказала жена.

Он вздрогнул, так неожиданно это было услышать.

– Правда?

– Да. Но не из сентиментальных соображений, а просто я слишком часто ездила с тобой и знаю, какой ты осторожный и ответственный водитель. Ты просто не мог устроить такое даже на подсознательном уровне.

– Однако...

Жестом остановив Федора, Татьяна наклонилась к нему поближе и заговорила очень тихо, чтобы не слышали соседи по палате:

- Федор, я знаю, что в тот день ты ехал с похорон своей любовницы, к которой, очевидно, питал сильные чувства, но все равно не верю, что ты от горя настолько обезумел, чтобы так грубо нарушать правила движения.

- Таня, я... - похолодев, проговорил Федор, но Татьяна резко оборвала его:

- Не трудись оправдываться и тем более лгать. Что было, то было.

Федор опустил глаза и прошептал:

- Знаешь - и все равно не веришь, что я виноват?

- Не верю.

- Ах, Таня, вера против фактов - слабое оружие.

- Ты лучше постарайся вспомнить, как все было.

- Да уж пытался.

- Никак не вспоминается?

- Никак.

- Что ж, у тебя из памяти выпало всего несколько секунд, - покачала головой Татьяна, - а некоторые после травмы забывают всю предыдущую жизнь и вообще, кто они такие. Тебе еще грех жаловаться.

- Что да, то да, - вздохнул Федор и подумал, что если бы мог выбирать, то скорее всего предпочел бы последний вариант.

- Возможно, - сделала предположение Татьяна, - автотехническая экспертиза найдет аргументы в твою пользу. Например, выяснится, что руль внезапно отвалился или тормоза...

Федор засмеялся:

– Об этом даже мечтать нечего. Слушай, Тань, раз ты все знаешь, давай разведемся? Тебе-то зачем вместе со мной пропадать?

Татьяна посмотрела на него сурово:

– Федя, мы с тобой жили плохо, давай хоть напоследок не опозоримся?

– Ладно, давай.

Федор улыбнулся, хотел погладить ее по коленке, но не решился.

Сентябрь

Жизнь Ксюши Кругликовой круто изменилась как раз в тот день, когда она окончательно и бесповоротно пришла к выводу, что ничего и никогда в ее жизни измениться в принципе не может.

Каждый год Ксюша ждала первое сентября как начало новой эпохи, где она больше не будет незаметной серой мышкой, а, похудевшая и загоревшая, с новой прической, враз превратится в популярную девчонку. Каждый год Ксюша готовилась к этому резкому повороту судьбы, весь август голодала, потому что популярными могут быть только очень стройные и худенькие девочки, и каждый же год ничего не происходило. После первых будоражащих минут встречи школьная жизнь возвращалась на круги своя, в которой Ксюше отводилась скромная роль никого.

Мальчики не провожали ее заинтересованными взглядами, учителя, давно убедившись, что Ксюша всегда внесет свою четверку в статистику успеваемости, смотрели сквозь нее, а девочки были тоже не такие дуры, чтобы дружить с пустым местом.

Вот если бы у нее были хотя бы джинсы... Или кроссовки, или модная импортная сумка...

Если бы прийти на линейку первого сентября в кроссовках «адидас» и в яркой розовой курточке с лейблом, небрежно закинув на одно плечо маленький джинсовый рюкзак, так сразу бы все повернулись в ее сторону!

Мама талдычит, что дело не в шмотках, но это справедливо только для первых красавиц Лены Трифоновой и Оли Кудрявцевой. У них узкие бедра, красивые волнистые волосы, им, да, можно хоть в почтовых мешках рассекать, а остальным как быть, чтобы пользоваться успехом?

Взять хоть ее тезку Ксюшу Михайлову. Она вообще страшная, морда кошельком, однако с ног до головы упакована в импортные шмотки, потому что папа – капитан дальнего плавания. И вот, пожалуйста, царица класса. Ее даже не по имени зовут, а называют Кисой, хотя рожей она явно смахивает не на кошечку, а на картошечку.

Ксюша явно симпатичнее Кисы, но только вместо джинсов получает дома трехчасовые нотации, что материальные блага – это низко и недостойно. Мама любит вести подобную трансляцию такого из своего волшебного мира, где главное – это честность, порядочность и возможность заниматься любимым делом и приносить пользу людям. В этом мире встречаются сразу по уму, и, кроме мамы, там еще живут хорошие молодые люди, которые смотрят не на шмотки, а на то, чтобы девушка была чистая, скромная, добрая и аккуратная, а, главное, помогала маме и хорошо умела справляться с хозяйством. А такие мальчики, которым важно, во что девушка одета, – просто дураки и никому не нужны, потому что ограниченные и узколобые, и вообще мещане.

Все это прекрасно, если жить в маминих фантазиях, а в реальности Ксюша сильно сомневалась, что, если принесет в школу кастрюлю идеально почищенной картошки, это как-то поможет ей добиться успеха. Равно как и аккуратная штопка на колготках вряд ли поразит парня в самое сердце.

А теперь последний класс, и у мамы новый аргумент, что надо думать об учебе, а не о мальчиках. В институт ведь поступать!

Ксюша вздохнула. Институт – это, конечно, хорошо, только последний год в школе пролетит быстро, и никогда уже не сбудется в Ксюшиной жизни того, самого важного. Первой любви не будет, приключений, таких, как в книжке «Вам и не снилось», тоже. Школа кончится, не оставив ни одного яркого

воспоминания, кроме сожалений о бездарно и попусту проведенных годах.

Ну, поступит она в институт, и что? Явится туда чучелом в скороходовских ботинках и юбке, перешитой из папиных штанов, и где окажется? Правильно, на скамье изгоев, и дай бог, если выйдет замуж за такого же замухрышку, как и сама...

Никак ты судьбу не переломишь, особенно когда всем на тебя плевать...

Так что сегодня, в один из теплых сентябрьских дней выйдя после уроков из здания школы, Ксюша, в очередной раз придя к такому горестному выводу, решила себя хоть как-то развлечь. И задумалась, куда бы пойти. Но кроме как домой идти было некуда. Дома бабушка. Она или дуется, или ищет, на что бы обидеться, а друзей у Ксюши нет. Ее и во дворе гулять не звали, и в школе она не входила в круг комсомольских активистов, которые то и дело заседают по какому-то важному вопросу (а на самом деле весело проводят время), и в секции она не ходит, потому что «нет данных».

Пустое место, вообще непонятно, для чего родилась.

И Ксюша просто отправилась домой пешком, чтобы хоть немного отсрочить возвращение.

Она шагала по тротуару, а впереди, размахивая лопаткой и далеко оторвавшись от матери, бежала девочка лет шести. Видимо, ей не терпелось попасть в парк, который был неподалеку.

Ксюша сама любила там гулять, когда была маленькая, особенно зимой. Через этот парк они с папой доходили до залива, и папа бросал большие камни в тонкий лед, и Ксюша с восторгом смотрела, как вздымается столб воды, будто взрыв, – и жизнь казалась интересной и увлекательной, такой же, как представляется сейчас этой малявке.

Хотя у малявки, может, все и сбудется – вон у нее какая коса, не то что Ксюшин, как выражается бабушка, «крысиный хвостик», и ноги тонкие, и одета она в фирму.

Пожирая завистливым взглядом девочкины кроссовки, Ксюша вдруг уловила боковым зрением, что происходит что-то неправильное, чего ни при каких обстоятельствах происходить не должно.

Быстро несущийся автомобиль резко свернул на встречную полосу, и Ксюша поняла, что сейчас для них с девчонкой все закончится.

Страх не было. Она схватила ребенка и побежала прочь от дороги прямо по заросшей высокой травой полосе, не оборачиваясь на грохот и лязг позади.

Когда остановилась и обернулась, машины еще крутились, будто в страшном и величественном танце.

Подбежала мать девочки, забрала ребенка, то ли смеясь, то ли плача, расцеловала сначала дочь, потом Ксюшу, а та постеснялась сказать, что ей неприятно, когда ее трогают посторонние люди.

Ей было слегка стыдно за то, что она так спокойна, что сердце не колотится, и коленки не подгибаются, и руки не трясутся, как у девочкиной мамы. Правильно бабушка говорит, что она холодная и неженственная, нормальные люди при таких ситуациях в обморок падают, а ей хоть бы что.

На колготках и подоле школьной формы налипло множество сухих репейников, но Ксюша не стала отряхиваться, все равно сейчас топать обратно к дорожке через заросшую сорной травой целину.

К сожалению, в школьном учебно-производственном комбинате она училась на младшую медсестру. Ей хотелось быть секретарем-машинисткой, но на эту специальность выделили всего два места, и Ксюша, естественно, ни на одно из этих мест не попала. Пришлось выбирать между слесарем-сборщиком и медсестрой. Последний вариант показался Ксюше поинтеллигентнее, но она, как всегда, ошиблась. Те, кто выбрали слесаря, весело проводили время на заводе, катались там в лифтах и на цеховых кранах, а несчастные медики мыли полы в больницах. Но все-таки за прошлый год было у них штук пять лекций по первой помощи, и преподаватель говорил, что медработник не имеет права уклоняться от своего долга, вот Ксюша и побрела обратно к месту аварии.

Было не страшно, но стыдно, что она суется ко взрослым людям, и Ксюша хотела уже убежать, но в последний момент заставила себя подойти к суетящимся вокруг мужикам и признаться, что она учится на медсестру и готова помочь пострадавшим.

Усатый дядька посмотрел так строго, что Ксюша решила: сейчас он пошлет ее кое-куда подальше, но дядька неожиданно сказал:

– Иди сюда, дочка.

И улыбнулся так, что смущение ее прошло.

– Кто вызывает «Скорую помощь»? – спросила Ксюша строго, вспомнив лекцию, на которой преподаватель говорил, что в острых ситуациях при скоплении народа каждый думает, что это сделал кто-то другой, поэтому прежде всего надо послать кого-то к телефону, а потом уже все остальное.

Мужчина в костюме сказал, что позвонит ноль три из первого же автомата, сел в красные «Жигули» и уехал, с трудом пролавирировав между пострадавшими машинами. Один автомобиль вылетел на обочину, а второй, как говорят водители, «поцеловался» с автобусом, из которого выходили пассажиры, кто спокойно, кто плача, а кто возмущаясь.

– Этому ты уже ничем не поможешь, – сказал усач.

– Я посмотрю.

– Не надо тебе смотреть на такое, дочка, уж поверь. Второй вроде еще дышит. Смотри его.

С этими словами дядька развернул Ксюшу ко второй машине.

– Будь осторожна, – сказал он и взял огнетушитель на изготовку.

Ксюша заглянула в салон «Волги». У мужчины за рулем был совершенно мертвый вид. Сквозь разбитое стекло в боковой дверце Ксюша просунула руку и пощупала пульс на сонной артерии. Он был слабый, но бился.

Дверь со стороны водителя заклинило, а пассажирская открылась. Ксюша заглянула внутрь. На левом бедре пострадавшего быстро расплывалось кровавое пятно. Она положила сверху перевязочный пакет из аптечки, но он очень быстро пропитался кровью, которая на ощупь оказалась густая, горячая, липкая, и останавливаться не собиралась. Тогда Ксюша сняла школьный фартук, свернула его в валик и крепко прижала к кровоточащему месту. Вроде кровь стала идти медленнее, а больше Ксюша не знала, чем помочь. Наложить жгут и затянуть его так, чтобы перекрыть артерию, – у нее силы не хватит. Но главное – запрещается перемещать пострадавшего до осмотра врача, а то можно ему сильно навредить.

Из той же аптечки она взяла нашатырный спирт, открыла и поднесла к лицу пострадавшего, но только расчихалась сама, а мужчина никак не отреагировал.

Ксюша приказала себе испугаться, что он умрет у нее на руках, но снова ничего не вышло. Полное спокойствие, характерное для бездушной сволочи, и больше никаких чувств. Обидно.

Усатый нервно расхаживал возле машины с огнетушителем, и Ксюша сообразила, что он боится пожара, и даже тогда ей не стало страшно. Дверь открыта, она успеет выскочить, да и дядька страхует. Вроде бы надо разговаривать с умирающими, как-то их приободрять, Ксюша нахмурилась, но не смогла придумать ничего такого, что доставило бы радость этому полумертвому незнакомцу или побудило его выжить.

Только долг есть долг, и Ксюша выдавила из себя: «Ну, вы это, держитесь, пожалуйста...»

Наконец, прибыла «Скорая», и Ксюша передала пострадавшего бригаде. Фельдшер с длинными волосами и бородой оказался поразительно похож на Иисуса Христа с бабушкиной иконы.

Медики быстро погрузили мужчину на носилки, широким бинтом примотали к его ране Ксюшин фартук и уехали, завывая сиреной.

Ксюша собралась уходить с места происшествия, но тут ее перехватила милиция. Сначала похвалили за активную помощь, потом отругали, что не носит

с собой ученического билета, которого, к слову сказать, у Ксюши вовсе не было, а потом снова похвалили и подкинули на своей машине до дома, весело запугав: «А то ты пойдешь, как жертва изнасилования, без фартука и вся в кровище».

Милиционеры были симпатичные молодые парни с открытыми лицами, совсем не похожие на тех зловещих упырей, образы которых, не жалея красок, рисовали школьные гопники. Никто вроде бы не собирался отбивать Ксюше почки, а совсем наоборот, тот, что постарше, заметив, что руки у нее все в крови, притормозил у ближайшей аптеки и заставил свирепую старушку-провизоршу пустить Ксюшу умыться.

Оттирая с рук засохшую кровь, она немного помечтала, как милиционер влюбится в нее, но парни только сказали, что она боевая девчонка, и пусть обязательно приходит к ним на службу.

«Нам нужны такие крепкие фронтовые ребята!» – процитировал милиционер и засмеялся, а Ксюша тоже улыбнулась, но на самом деле огорчилась, что ее, как всегда, держат за ударную силу, а не за прекрасную даму.

К счастью, бабушка отдыхала в своей комнате, и Ксюше удалось незамеченной прокрасться домой.

Она быстро приняла душ, постирала форменное платье, повесила его на балконе и полезла в дальний ящик стола, где хранила свои невеликие накопления.

На новый фартук, пожалуй, не хватит. Ладно, пока сентябрь, пару деньков можно в белом походить (типа она в восторге от учебы), а в пятницу надо взять у мамы недельный рубль на обеды и топтать в универмаг за самым дешевым фартуком, иначе на нее обратят внимание в школе, но совсем не в том смысле, как бы хотелось.

Ксюша вздохнула. Еще одна мечта так и отвалится в прошлое, не сбывшись. Так ей хотелось красивый фартук с широкими крылышками, но в магазинах подобная красота не продается, а про ателье даже заикаться нечего – Ксюше сразу дома объяснят, кто она есть такая и что ей положено.

Ладно, главное сейчас, чтобы предки не узнали о ее приключении. Ксюша пока не могла сообразить, за что именно ей попадет, если откроется правда, но в том,

что попадет обязательно, не сомневалась ни одной секунды.

Стало немножко грустно, что вот произошло с нею что-то интересное, а рассказать некому. Единственная подруга прямо первого сентября укатила на спортивные сборы и вернется только через месяц. А в школе даже смысла нет рот открывать – если вдруг и послушают, то уж точно не поверят, поржут над ней только, и все.

Ксюша еще подумала о пострадавшем, поправится ли он, и о том, втором. Тут на душе у нее стало кисло, и Ксюша мысленно поблагодарила усатого за то, что не позволил ей увидеть труп, и он так и остался для нее абстрактным пострадавшим. Милиционеры сказали, что он умер мгновенно, так что сам не заметил, и Ксюша ничем бы ему не помогла. Упрекать себя вроде как не в чем, но все равно было тоскливо от мысли, что жизнь может прерваться от одного неосторожного движения.

Был человек, дышал, чувствовал, может быть, любил, а потом неосторожно повернул руль – и все закончилось. И ничего не исправить.

Только ближе к вечеру до нее дошло, что это неосторожное движение могло прервать и ее собственную жизнь. Даже ноги подкосились от этого внезапного понимания, и Ксюша впервые почувствовала, что холодный пот это не просто фигура речи, а вполне себе реальное явление.

Улегшись на свой диванчик, Ксюша спрятала голову под подушку и попыталась представить, как это – не быть, но тут бабушка позвала ее помогать с ужином.

– Я чищу картошку, следовательно, существую, – вздохнула Ксюша и поплелась в кухню.

За ужином Ксюша нетерпеливо ждала, когда диктор ленинградских новостей закончит свой нудный бубнеж и покажут какую-нибудь киношку, как вдруг в бравурном речитативе ей послышалось собственное имя. «Да нет, не может быть», – подумала она, но машинально взглянула на экран.

В комедиях герои всегда узнают ошеломляющую новость в процессе чае- или винопития и от удивления плюются, как будто глядят пересохшее белье.

Теперь Ксюша выяснила, что это просто штамп. При виде большой фотографии Ксюши во весь экран не поперхнулись ни мама, ни бабушка, ни она сама.

В какой-то прострации они слушали восторженный рассказ журналиста, как Ксюша, настоящая комсомолка и верная наследница пионеров-героев, закрыла своим телом ребенка, а потом действовала, как настоящий санинструктор на поле боя. Фотография исчезла, на несколько секунд в кадре появилась физиономия классной руководительницы, сообщившей, что Ксюша, оказывается, ядро класса и все на нее равняются, и в телевизоре начались новости спорта, а за столом воцарилось гробовое молчание.

Понимая, что это конец, Ксюша все-таки попыталась непринужденно улыбнуться и сделала глоток чаю. Звяканье чашки о блюдец прозвучало как колокольный звон.

– Позволь спросить: и как же ты относишься к вдруг свалившейся на тебя славе? – наконец процедила мама.

Ксюша пожала плечами.

– Или теперь, когда ты стала звездой, мне придется узнавать о том, чем занимается моя дочь, исключительно из телевизионных новостей?

– Ну мам, какая я звезда, так... – пролепетала Ксюша, краснея.

– В самом деле, Ксения, – включилась бабушка, – ты обязана была все нам рассказать. Сколько раз повторять, что ты ничего не имеешь права от нас скрывать, пока находишься на нашем содержании?

– Да я просто чуть-чуть помогла, самую капельку, – заныла Ксюша, – откуда я знала, что они так все преподнесут...

Мама прервала ее, наставительно подняв палец:

– И тем не менее ты обязана была во всем признаться! Представь, что мы бы не посмотрели сегодня новости, а завтра коллеги стали бы узнавать у меня подробности, а я ничего не знаю. Подумай, как бы я выглядела перед ними?

- Да, Ксения, ты очень огорчаешь нас своей скрытностью, - вставила бабушка...

- Я просто забыла...

- Забыла про то, что тайное всегда становится явным, - усмехнулась мама.

- И в самом деле странно, что сделали сюжет про аварию на дороге, - заметила бабушка, - все же у нас стараются не освещать такие вещи, все больше про рекордные надои сообщают трудящимся. Вот Ксения и не подумала, что правда выяснится таким неожиданным образом.

- Нет, это просто возмутительно, что ты утаила от нас такое событие! Убирайся в свою комнату!

Когда в голосе мамы появлялись визгливые нотки, Ксюшу два раза просить не приходилось. Она выскочила из-за стола.

- И хорошенько подумай над своим поведением, - напутствовала бабушка.

Усевшись за письменный стол, Ксюша послушно приступила к размышлениям. Ведь знала же, что попадет, и вот, пожалуйста, предчувствия ее не обманули. Чертовы телевизионщики, кто их только за язык тянул! Что, за целый день реально ни одного повышенного надоя, выплавленного чугуна или там съезда какого-нибудь партийного? Не о чем людям рассказать, кроме как о ее приключениях? Да еще такими заскоружными штампами, настоящая комсомолка, верная наследница...

Теперь точно все, к нормальным людям вообще будет не подойти без того, чтоб не оборжали.

После этой дурацкой передачи мечты сбудутся, но только не так, как планировалось!!! Ксюша в самом деле перестанет быть незаметной серой мышкой - зато превратится в юродивую, вроде Лены Сониной. Училась у них в школе такая девочка, которая реально любила коммунизм и все такое прочее, за что ее, естественно, называли Соня Ленина. Но, простите, Соня Ленина много лет старалась заслужить репутацию местной сумасшедшей: то на комсомольском собрании двинет страстную речугу, то возглавит поход по

местам боевой славы, то добровольно вызовется в почетный караул. Из-за нее Ксюшу с первого раза в комсомол не приняли, потому что на собеседовании она спросила, что делать со знаменем, если вдруг найдешь его в лесу, а Ксюша не знала. И вот интересно, ржать-то над Леной все ржали, а на собрании никто спорить не стал, хотя у этой дуры разве что красная пена изо рта не шла, когда она вещала, что таким, как Ксюша, не место в комсомоле. Пришлось еще месяц ждать следующего комсомольского собрания. В прошлом году Лена закончила школу, что ж, Ксюша, добро пожаловать на вакантное место школьной юродивой, а, говоря точнее, долбанутой. Хватило одного телевизионного репортажа, чтобы занять эту почетную должность.

Ксюша протяжно вздохнула, вспомнив, что вместе с фартуком уехал в больницу и комсомольский значок. Сплошные убытки, черт возьми.

До сегодняшнего дня пословица «не делай добра – не получишь зла» представлялась ей глупой и мещанской, но вот выяснилось, что это очень даже правда.

Нечего было соваться со своей помощью, и девчонку можно было не хватать, не уносить. Не так уж и далеко, если честно, машины съехали с дороги. Никого бы не задело, только испугались бы чуть-чуть сильнее, и все.

И уж точно без нее догадались бы придавить рану тому мужику, и «Скорую» вызвали бы. Правильно мама говорит: «Большая ошибка думать, что ты можешь обойтись без людей, но еще большая – считать, что люди не могут обойтись без тебя».

Надо быть скромнее, и тогда тебя на весь город не выставят душой.

Ноябрь

Татьяна пришла в платье цвета красного вина, которое очень ей шло, и с новой прической, от которой еще чуть пахло парикмахерской. Мужики в палате оживились и приосанились, как только она появилась на пороге, и Федор улыбнулся:

– Прекрасно выглядишь.

– Спасибо, но это не для тебя.

– Ясно.

– Для сотрудниц. Хоть чуть-чуть омрачить их радость по поводу моего впадения в ничтожество.

– Таня, не могу ничего тебе обещать, но одно знаю совершенно точно – уволить тебя не могут. Трудовой кодекс в нашей стране – это святое, так сказать, последний оплот справедливости. Воскобойникова боятся сильно, но все-таки меньше, чем нарушить Трудовой кодекс, это я тебе как специалист говорю. Ломать на увольнение по собственному, возможно, будут, но если ты выдержишь, то сделать с тобой ничего у вас там не смогут.

Татьяна засмеялась:

– Господи, да кого волнует, доцент я или не доцент? Была жена прокурора, а стала жена зэка, вот где счастье!

– Меня еще не посадили вообще-то, – нахмурился Федор.

– Извини, – смягчилась Татьяна и сменила тему. – Я тебе зразы принесла, поешь, пока теплые?

Федор с радостью пристроился возле тумбочки. Два дня назад ему отменили антибиотики, и сразу вернулся аппетит.

Он быстро заработал вилкой и не заметил, как сожрал все.

– Лучший комплимент повару, – сказала жена, убирая маленькую алюминиевую кастрюльку, в которой носила в больницу обеда.

Федор давно не ел так много за один раз, поэтому устал и лег поверх одеяла.

- Просто божественно, - сказал он, - официально заявляю, что в котлетах ты достигла совершенства, Татьяна.

- Спасибо.

- Слушай, - спросил вдруг Федор, - а почему ты не пошла учиться на повара?

Татьяна, кажется, собиралась уходить, но присела на краешек кровати.

- Правда, Тань, у тебя же реальный талант, - искренне проговорил Федор.

- Да я хотела, - жена улыбнулась краешком рта, - собиралась даже в училище после восьмого класса, но родители не пустили.

- А, ясно... - кивнул Федор, вспомнив своих тестя и тещу.

А Татьяна вдруг разоткровенничалась:

- У нас в роду, сказала мама, прислуги не было и не будет. Я расстроилась, конечно, но делать нечего. Доучилась в школе, потом думала в институт легкой промышленности поступить, только куда там... Во-первых, буду та же самая кухарка, только с дипломом, а, во-вторых, девочка из хорошей семьи должна получить университетское образование, а не абы что.

- А почему поступила именно на исторический?

Татьяна пожала плечами:

- Точные науки отпали сразу, естественные - в полуфинале, география и геология не подошли, потому что там экспедиции, то есть пьянство и разврат, для филфака у папы была слишком скромная должность, вот и осталось - исторический... А мне было все равно. Я тогда мечтала, что выйду замуж, рожу много детей, буду готовить для своей большой семьи - так какая разница, где учиться. Но вот не сбылось...

Федор вздохнул и промолчал, подумав о дочери.

– Но все-таки кормила я вас с Леной хорошо, – жена фальшиво рассмеялась.

– Бесподобно, – без всякой иронии произнес Федор. – На уровне мировых стандартов, а иногда и повыше.

– Спасибо за комплимент, – жена начала быстро выкладывать из сумки пакет с домашним печеньем, рулон туалетной бумаги, чистое белье, прочие мелочи и размещать все это в тумбочке у кровати Федора, – яблоки и кефир я отнесу в холодильник, вот, смотри, синий пакет, подписанный.

– Я тоже в юности мечтал совсем о другом, – вдруг признался Федор, – хотел быть летчиком, совершать подвиги... Даже, наверное, какое-то время был хорошим человеком... А потом оно как-то разменялось на всякую ерунду. Гонялся я всю жизнь за мишурой, а настоящее бросил, ну а теперь что ж... Не вернешься.

– Да, не вернешься.

– А сейчас уже и не понять, когда свернул... Я иногда думаю, что должен был сдохнуть давным-давно – сразу, как война началась. Подумаешь, какой-то дом малютки, да пропади они пропадом, эти дети, своим родителям не нужны, так посторонним людям тем более. Однако нас вывезли в эвакуацию, а после войны обратно вернули.

– Ты помнишь? – удивилась Татьяна.

– Нет, конечно, – отрицательно покачал головой Федор. – Воспитатели рассказывали. Так, какие-то картинки деревенской жизни иногда всплывают – я думаю, что оттуда. Главное, я реально хотел трудиться на благо своей родины, которая меня уберегла, искренний был порыв, без шуток. А теперь сам не пойму, куда все подевалось.

– Повзрослел просто.

– Нет, Таня, – вздохнул Федор, – тут другое. Когда человек в сорок лет брызжет во все стороны комсомольским задором, это выглядит по-идиотски, не спорю. Но есть же люди, которые работают не только ради денег и карьеры.

Татьяна усмехнулась:

- В нашей стране на таких условиях вынуждено трудиться подавляющее большинство.

- Не в этом смысле.

- В таком случае, может быть, для тебя еще не все потеряно. Еще выйдешь из сумерек своего мелкобуржуазного сознания. А со мной все уже кончено.

- Таня... - Федор попытался взять жену за руку, но Татьяна руку отдернула, резко вскочила.

- Не хочу об этом говорить, - отрезала она.

И через минуту покинула палату, наскоро простившись.

Сентябрь

Столкнувшись в холодном низком вестибюле, мы с Алиной Петровной вместе выходим в теплый сентябрьский вечер. Сильный дождь, ливший весь день, прекратился перед самым концом работы, будто по расписанию, оставив в воздухе мелкую водяную пыль, отчего все вокруг кажется немного зыбким, а желтый свет автомобильных фар дробится в маленькие радуги. На пустыре за железной дорогой стелется белесый туман, и одинокие деревья кажутся призрачными существами. После череды солнечных дней приятно посмотреть на слегка потусторонний пейзаж и подышать мокрым и теплым, как парное молоко, воздухом, но тут раздается короткий автомобильный гудок.

Я вздрагиваю, а Алина Петровна грациозно бежит к красным «Жигулям», сверкающим, как пасхальное яичко.

Прежде чем открыть дверцу, она оборачивается ко мне и одаривает милостивой улыбкой:

- До завтра, Инночка! Хорошего вечера!

Всегда интересно, кем она себя воображает в такие минуты, императрицей Екатериной Второй или, скромненько, белой госпожой, мем-сахиб на индийской плантации? Или издевается простенько, без затей?

Какая разница... Не хочется, а все равно смотрю на нас глазами водителя «Жигулей». Вот мы рядом на крыльце, красивая женщина с тонкими щиколотками и тяжелая обрюзгшая баба. У нее порода, элегантность, а у меня стрижка, короткая шея и куртка цвета трупных пятен, уж я-то знаю, о чем говорю.

Дождавшись, пока счастливые отъедут подальше, бреду к остановке автобуса. Автобуса долго нет, так что мы всей толпой еле влезает, когда он подходит, и, зажатая на площадке между такими же тетехами, как сама, я передаю за проезд. Можно бы и сэкономить пятак, народу столько, что билетик просто не успеет до меня дойти, а, с другой стороны, ни один контролер сюда не втиснется.

Между тем Алина Петровна с комфортом едет в компании любимого мужа. Интересно, они обсуждают прошедший день или молча слушают музыку? Они любят классику, я знаю это очень хорошо. В особенности дражайший супруг равнодушен.

Последняя остановка перед метро, здесь всегда садится много народу, всем хочется домой, так что люди штурмуют площадки, а водитель призывает граждан пройти в салон, хотя они там максимально утрамбованы и без его советов.

Наконец, двери захлопываются, прищемив кому-то клок пальто, мы едем, не шевелясь, как брикет замороженной рыбы. В такие минуты я почти уверена, что завтра напишу заявление об уходе и найду работу поближе к дому.

Вот наконец и метро. Перехожу дорогу, и вдруг меня едва не сбивает красивая новая машинка. За рулем молодая женщина, и, кажется, она не знает, что должна пропустить человека, идущего по пешеходному переходу на зеленый свет, потому что успеваю поймать ее взгляд, злобный и презрительный. «Какая-то падаль будет мне мешать!» – читаю я в ее глазах и запоминаю номер, вдруг есть какая-то служба доносов при автоинспекции, куда граждане сообщают о нарушениях правил такими вот распоясавшимися дамочками?

Задаюсь этим вопросом, чтобы скоротать время в дороге, воображаю вытянувшуюся рожу автомобилистки, когда ее по моему навету поймают доблестные сотрудники ГАИ, но знаю, что никуда звонить не буду, я еще не готова опуститься до уровня безумной старой склочницы, хотя недалеко осталось.

Наконец я дома. Снимаю удобные и практичные мокасины, удачно отхваченные весной в Кировском универмаге, настоящий подарок судьбы, и думаю, что скоро похолодает и придется влезать в осенние сапоги, которым уже три года, да и в молодости своей они тоже не блистали. Голенища узковатые, а я не худею, и вообще похожа в них на деревенскую почтальоншу, а не на врача.

В тысячный раз обещаю себе в выходные не валяться на диване с книжкой, а, как все порядочные люди, гонять по магазинам в поисках дефицита. Вдруг выбросят сапоги или еще что-нибудь?

Первым делом включаю телевизор, чтобы хоть немного разбавить затхлую тишину. Не вслушиваясь в голос диктора, переодеваюсь в халат и иду на кухню.

По-хорошему, надо выпить стакан кефира и до утра забыть о еде, но сегодня был грустный день и я заслужила маленькую поблажку. Пока закипает чайник, делаю себе два бутерброда с маслом и колбасой, достаю из хлебницы ароматную пушистую слойку, понимая, что это слишком калорийно, убираю обратно, но тут же снова достаю, разрезаю пополам и смазываю маслом.

Сегодня еще позволю себе, а завтра точно начну худеть. Такое обещание я себе даю, но знаю, что завтра будет точно такой же грустный день, и как сегодня, и как вчера, и как послезавтра. То завтра, в котором я сяду на диету и начну делать зарядку, не наступит никогда. Его не существует. И в выходные я никуда не пойду, а проваляюсь весь день на диване перед телевизором, потому что какой смысл дергаться, если выхода нет? А кто считает, что безвыходных положений не существует, тот просто не был некрасивой одинокой тридцатидвухлетней женщиной без влиятельных родственников.

Телевизор бубнит, я читаю за едой, чего, как известно, приличные люди себе не позволяют.

Слойка очень вкусная, мягкая, хоть и вчерашняя, а читаю я журнал «Юность», хотя эта пора моей жизни давно миновала. По-хорошему надо взяться за монографию, которую я купила на прошлой неделе, но, с другой стороны, зачем? Повышение мне не светит, а свою работу я и так знаю прекрасно. Тем более там половину текста составляют разные юридические тонкости, которые мне вряд ли понадобятся.

Я себе противна, и бывают минуты, когда мне кажется, что я по-прежнему стройная энергичная девчонка, каким-то колдовством очутившаяся в теле квашни, а иногда, наоборот, думаю, что этой девчонки никогда и не существовало. Точно знаю только, что апатия – это единственная преграда между мной и самоубийством.

Ноябрь

Федора выписали в четверг, и жена забрала его на такси. Сидя на заднем сиденье, он с интересом смотрел на быстро сменяющуюся за окном машины череду домов с карнизами, присыпанными, точно солью, первым снегом, на голые ветки чахлой городской растительности.

Нева, которую они переехали по мосту Лейтенанта Шмидта, уже потускнела. Город готовился к зиме, а Федору Макарову после двух месяцев в больнице все увиденное казалось новым.

Видимо, он еще не совсем поправился, потому что, поднявшись по лестнице, страшно устал и захотел лечь.

Татьяна отвела его в спальню, где оборудовала поистине царское ложе: кровать застелена новым бельем, подушки со всего дома сконцентрированы на ней, а на тумбочке вазочка с конфетами, бутылка минералки и стакан. На Татьяниной половине кровати лежали книги и журналы, чтобы Федору не было скучно.

– Ничего себе, – воскликнул Федор, ложась, – после больницы это просто заграничный отель, элементы сладкой жизни. Спасибо, Таня.

– Не за что. Лежи, поправляйся.

Впервые за два месяца очутившись на мягкой постели, а не на панцирной сетке с комковатым и тощим ватным матрасом, Федор почти мгновенно уснул, а жена уехала на работу.

Он проснулся ближе к вечеру, потянулся и вздохнул, сообразив, что наслаждается комфортом и одиночеством последние денечки. После суда его ждет в лучшем случае шконочка, а в худшем и реалистичном – небытие, адский котел или райское облако, ведь до сих пор доподлинно неизвестно, что происходит с душой человека после смерти.

Федор повалился, потом вернувшаяся со службы жена покормила его ужином. Немного волнуясь, он взял с полки первый том «Войны и мира», понимая, что это его последний шанс ознакомиться с великим произведением, открыл и неожиданно для себя увлекся. Очнулся только в одиннадцатом часу и удивился, почему Татьяны нет. Она обычно в это время уже ложилась.

Выглянув в коридор, он увидел за матовым стеклом двери в кабинет тусклый огонек настольной лампы.

– Можно? – слегка приоткрыв дверь, Федор увидел, что Татьяна лежит в постели на разобранном диване. – А ты что здесь?

Жена фыркнула:

– Объяснить?

– Не обязательно. Хочешь, давай я тут лягу?

– Иди уже спи.

Он присел на краешек дивана. Татьяна надела на ночь его старую футболку и то ли от этого, то ли от мягкого света настольной лампы казалась совсем молоденькой. Федор улыбнулся:

– Seriously, Тань, пойдём в кровать? Все-таки мне не пятнадцать лет уже, чтобы ночевать в обнимку с книжками.

Она отрицательно покачала головой.

– Я просто не усну в роскоши, когда ты тут ютишься на диване. Давай хоть местами поменяемся.

– Я тут ночью с того дня, как ты попал в аварию, так что привыкла, не волнуйся.

– Почему?

Татьяна промолчала.

– Правда, Тань.

– Слушай, Федя, я понимаю, что тебе сейчас трудно, и не хочу, как выразилась бы Ленка, доставать тебя, но и ты меня тоже пойми. Мне физически тяжело ложиться в нашу супружескую постель после того, как ты был с другой женщиной. И ты ведь не просто гулял на стороне.

– Нет, не просто.

– Ты ушел от меня, Федя, и я знаю, что, если бы твоя любимая не погибла, ты бы ни за что не вернулся, правда?

Федор кивнул.

– И вспоминал бы обо мне с одним только чувством – с облегчением, что ты от меня избавился навсегда. Не спорь. Так что, Федя, прости, но женщины остро воспринимают такие вещи.

– Я был уверен, что тебе абсолютно все равно, чем я занимаюсь, – произнес Федор.

– И ты не ошибся, – подтвердила его слова Татьяна. – Почти.

– Так что ж ты не хочешь разводиться?

Татьяна хмыкнула:

- Успокойся, Федя, разведемся, как только все закончится. Освободишься из тюрьмы, и тут же пойдём в загс, никуда не сворачивая. В ту же секунду, клянусь тебе.

- Таня...

- Успокойся, женишься ещё на хорошей женщине, и родит она тебе. Все образуется.

- А ты?

- А для меня, в сущности, что изменится? Разве что придется готовить тупыми ножами – и все.

- Кстати, пойду поточу, – оживился Федор, плечи которого во время этого тяжелого разговора опускались ниже и ниже.

- Давай.

Он вышел в кухню и достал тяжелый серый брусок. За много лет использования в нем образовалась глубокая ложбинка, и Федор долго на нее смотрел, будто это имело какой-нибудь смысл, потом очнулся, достал из буфета ножи и взялся за дело. После двух месяцев неподвижности даже такая легкая работа была приятна. Он быстро водил лезвием по точильному камню, насвистывая, чтобы заглушить противный скрежещущий звук, и пытался вспомнить, откуда взялся этот брусок: он ли его купил, или Татьяна принесла в приданое, или он просто перекочевал к ним от ее родителей. Так или иначе, за двадцать лет он его почти полностью сточил, еще немного – и разломится на две части. Надо по краям работать, что ли...

Закончив, Федор снова постучал к жене:

- Таня, ножи острые, так что смотри, будешь готовить, не порежешься.

- Спасибо, – донеслось до него.

- И насчет развода... Если не завтра, то никогда.

Ноябрь

В тесной кухоньке хрущевки четыре человека с трудом умещаются за столом, но семейный ужин – это святое. Анатолий с удовольствием принял из рук жены тарелку с жареной картошкой и двумя круглыми котлетами и хищно взглянул в центр стола, тесно заставленного мисочками с закусками. Доска с хлебом уже не помещалась, мостилась на подоконнике. Тесно, тесно, но в комнатах тоже не поешь, там мебель и ковры.

Ну да ничего, скоро все изменится, подойдет очередь на квартиру, и в этот раз без обмана, никто не перебежит, не уведет из-под носа вождеденную жилплощадь. Анатолий вздохнул и подцепил соленый огурчик.

Дочка сосредоточенно трясла над своей тарелкой высокую и узкую бутылку кетчупа, и Анатолию стало интересно, что у нее получится, ведь бутылка была почти пустая.

- Главное, резко остановить, – улыбнулась жена, – остальное доделает инерция.

- Так? – дочка энергично махнула рукой, и на тарелку шлепнулась кирпично-красная субстанция.

- Великолепно.

Засмеявшись, жена села на свое место, от тесноты располагавшееся немножко на углу. Очень давно, когда они даже не встречались, а Анатолий просто был влюблен, Лиза свято верила в ужасную примету, что сидеть на углу – семь лет без взаимности, а теперь ничего не поделаешь. Он сам слишком крупный мужчина, у дочки вся жизнь впереди, ей важнее, а мама – это мама.

- Как огурчики?

- Умереть не встать!

Для убедительности Анатолий показал большой палец.

- А что ты картошку не ешь, Лиза? - вдруг спросила мама.

- Спасибо, Анна Сергеевна, не хочется.

- Все фигуру бережешь?

- Просто не хочется.

- И Олечке воробьиную порцию положила.

- Мне кажется, вполне достаточную.

Мама встала и, с трудом поворачиваясь в тесном пространстве между столом и плитой, добавила Оле еще картошки.

- Вот так, солнышко, кушай, бабушка лучше знает.

- Анна Сергеевна, пусть Оля сама решит.

- Ты бы лучше последила, что ребенок у тебя напихивается кетчупом. Вот что вредно!

- Оля, слышала?

Дочь насупленно молчала, и Лиза погладила ее по голове.

- А то химию всякую едят, а картошка им не годится! - сварливо проговорила мама.

- Но ведь это действительно тяжелая пища, - попыталась возразить Лиза.

- Не выдумывай! Мы ели и нормальные выросли, а все эти ваши новомодные диеты - чушь собачья! Да, Олечка? Смотри, какого бабушка папу красивого вырастила и тебя вырастит.

Оля промолчала, а Лиза поморщилась:

- Давайте сменим тему.

- А ты ешь по-человечески!

- Я ем столько, сколько нужно.

- Я бы на твоём месте, Толенька, задумалась, что это у тебя жена все худеет и худеет. Все фигуру бережет и бережет. Других забот, что ли, нет? Мы в наше время беспокоились о семье, а не о фигуре.

- Я справляюсь со своими обязанностями, - процедила Лиза.

- Это тебе так кажется, потому что ты эгоистка.

Лиза пристально взглянула на мужа.

- Mam, ну что ты такое говоришь, - промямлил Анатолий.

Мама ничего не ответила, но поджала губы очень красноречиво.

Чай пили в гробовом молчании.

После ужина жена вышла на лестницу, Анатолий последовал за ней.

Одна из узких железных полосок лестничных перил оказалась отогнута и торчала в пролет, видимо, у кого-то из соседей разыгралась удаля молодецкая.

Анатолий с усилием вернул полоску на место и огляделся. Краска на стенах облупилась, оконные стекла в змейках трещин, кашляни возле них посильнее - и осыплются. Почтовые ящики в языках черной копоти, на подоконнике пустая консервная банка, набитая окурками. Уныние и запустение, но скоро они переедут в новый дом. Интересно, какой он будет? Хорошо бы кирпичная девятиэтажка, но это он раскатал губу. Блочный скорее всего дадут, и он не станет отказываться от первых и последних этажей. Что предложат, то и

возьмет, потому что в следующий раз шанс неизвестно когда выпадет.

Заметив, как глубоко Лиза затянулась сигаретой, Анатолий покачал головой:

- Уж это точно вреднее, чем картошка.

- А я вообще-то не курю. Только нервы успокаиваю, когда меня твоя мамаша выведет, но поскольку она занимается этим постоянно, то могу и пристраститься. Толя, ну скажи ты ей!

- Что?

- Не знаю. Вот что ты сидел, как в рот воды набрал, вообще за меня не заступился?

- Лизочка, но это все-таки мама...

- А это все-таки я, жена твоя! А то все-таки Оля, твоя дочка! Сколько ты еще будешь позволять маме сосать из нас энергию?

Анатолий пробормотал, что мама хочет им всем только добра.

- Ага, сейчас! Ха-ха два раза! Я зря, конечно, тебя про огурцы спросила, а ты тоже хорош, не сообразил. Надо было сказать, что мои огурцы отстойные, жрать невозможно, не то что у любимой мамули. Умилостивить наше домашнее божество хоть так.

- Ну, конечно, я во всем виноват, кто бы сомневался, - обиженно засопел Анатолий.

- Поговори с ней, Толя, пожалуйста! Мы же все делаем, как она хочет. Отдельную комнату - пожалуйста, после одиннадцати не шуметь - будьте любезны, гостей не водить - извольте. Как королева во дворце, казалось бы, что еще тебе надо? Живи и радуйся, но нет! Для полного счастья необходимо задолбать домочадцев, чтобы всех трясло от ненависти к тебе. Вот тогда день удался!

- Ты преувеличиваешь.

- Да неужели? Толя, поговори или я сама это сделаю.

Анатолий неопределенно кивнул, надеясь, что это сойдет за обещание. Не сошло.

- Трус несчастный! Конечно, тебе что, не твои нервы километрами на кулак наматывают.

- Лиза, но она ж не слушает. Сразу скажет, что мы неблагодарные и ее не любим, и заплачет - и тут уж либо утешать ее, либо повеситься.

Анатолий вздрогнул. Но не нашел, что сказать.

Жена с силой затушила сигарету и резко обернулась к нему:

- Ну, раз вторая сигнальная система не работает, надо перейти на уровень рефлексов, - шепотом прокричала она, - как собаку дрессировать. Здесь можно, а здесь фу, нельзя. Место! Ползет, куда не звали, сразу по рукам! Раз, два, а на третий она уже подумает, но все равно ползет. А на четвертый подумает и не ползет.

- Лиза, ты говоришь о моей матери, - взмолился Анатолий.

- Извини, - Лиза резко замолчала. А потом пристально посмотрела мужу в глаза и сказала: - Слушай, Толя, давай уедем?

- Куда?

- Да куда угодно! Учителя и водители везде нужны. Хоть под Томск вернемся. Точно, - воодушевилась жена, - напиши ребятам, они будут только рады тебе помочь.

- А Оля?

- С нами поедет.

- Лизочка, а как же ее музыка? Учительница говорит, что у Оли настоящий талант, и она станет выдающейся пианисткой, если не забросит.

- Слушай, музыкальная школа есть в любой дыре.

- Но ей нужны педагоги высокого класса. Или ты хочешь, чтобы она нас потом проклинала, что мы лишили ее блестящего будущего?

Лиза фыркнула:

- Я, Толя, хочу пожить нормально, пока мы молодые, а твоя мамаша еще не старая, потому что когда мы будем еще не старые, а она уже дряхлая бабка, кто будет выносить за ней горшки, если не я? Дерьма от нее я еще успею нахлебаться, дай хоть сейчас нормально подышать. Давай уедем, прошу тебя.

Анатолий притянул ее к себе, уткнулся носом в рыжую макушку. Аромат ее волос всегда сводил его с ума, и горький привкус табачного дыма ничего не испортил.

- Все будет хорошо, - прошептал он, - скоро мы получим квартиру.

- Ой, - отмахнулась Лиза.

- Нет, правда. В этот раз точно.

- И в тот раз было точно, и в позатот.

- Правда, Лизочка, совсем чуть-чуть осталось потерпеть.

Когда легли спать, то долго ждали, пока Оля в своем углу начитается и уgomонится, и потом еще долго притворялись, что спят, чутко прислушиваясь к шорохам в квартире, как хищники в ночном лесу.

- Вроде тихо, - шепнул Анатолий, осторожно обнимая жену так, чтобы не скрипел диван.

Лиза еле слышно засмеялась и прижалась к нему, теплая, родная.

- Тише, тише...

Только он просунул руку под ночную рубашку жены и погладил теплое бедро, как в соседней комнате послышалась возня, через секунду отворилась дверь, и по полу расстелился длинный прямоугольник мягкого света. Анатолий еле успел откинуться на подушку.

- Чаю нужно попить, а то никак не уснуть, - сказала мама и проследовала на кухню.

- Здрате, потрахались, - фыркнула жена и, отвернувшись, натянула одеяло на голову.

Анатолий лежал, слушал шум воды, потом хлопок включившейся газовой конфорки, звон посуды и прочие привычные звуки.

Вздыхнул. Ему завтра во вторую смену, он может подождать, пока мама уснет, а Лизе на работу к восьми. Придется отложить на завтра, ибо выспаться важнее, только завтра маме снова чего-нибудь захочется среди ночи... Естественно, это не может быть не чем иным, как совпадением, но по странной случайности, как только он хотел заняться любовью с женой, мама тут же начинала колобродить. Почему так? Они с Лизой наловчились до такой степени, что их бесшумности позавидовали бы подводники и японские ниндзя, а мама все равно просыпалась.

Пару лет назад они заикнулись, что хорошо бы им переехать в маленькую комнату, а маме с Олей поселиться в большой, но проходной. От этого робкого намека сдетонировал такой мощный скандал, что Анатолий до сих пор вздрагивал при одном воспоминании. «А дальше что? - орала мама. - В дом престарелых меня сплавите или сразу на улицу?» И долго еще потом мама не отказывала себе в удовольствии при случае заметить, что она пустила в дом змею беспорточную, лису хитровыделанную, словом, не девушку, а какой-то ужасающий фольклорный персонаж.

Анатолий прижался к жене, она сердито дернула плечиком. Имеет право обижаться, с другой стороны... Ему легко вскрикивать: «Это же моя мать!», зная, что такое восклицание нечем парировать приличному человеку. Ну да, это его

мама, она жизнь положила, чтобы его вырастить, души в нем не чаяла, всем пожертвовала ради него, и он должен быть ей благодарен, но Лиза-то ничем ей не обязана. Тут можно возразить, что именно мать мужа создала человека, с которым жене теперь так хорошо живется, поэтому надо ей поклониться в ножки. Наверное, справедливо, но конструкция умозрительная, ее можно понять, но трудно прочувствовать. Мораль моралью, а уживаться приходится двум посторонним женщинам, вот и все. Лиза еще хорошо держится, не хамит матери в глаза, только ему выплескивает обиду, а мама... Мама это мама.

Странное дело, она постоянно говорит, как любит сына, обожает внучку, и хоть жену он взял явно неудачную, свиристелку и неумеху, но она мирится с его выбором и изо всех сил поддерживает в семье лад и мир. И вроде бы так и есть, но почему-то в доме всегда царит какое-то напряжение, как будто гудит трансформатор. Со временем привыкаешь к его гулу, перестаешь обращать внимание, но все равно испытываешь огромное облегчение, когда его отключают.

Иногда мама уезжала к сестре погостить, и сразу будто открывалась форточка в затхлом помещении, дышать становилось радостно и свободно, Оля приводила домой подружек, а Лиза варила пельмени и суп из рыбных консервов, а Анатолий вспоминал о своем давнем хобби – выжигании по дереву, покупал в хозяйственном хлебную доску, доставал с антресолей верный приборчик «Узор-1» и приступал к работе, а жена и дочка с удовольствием нюхали сладковатый дымок тлеющего дерева и вспоминали, что так же пах костер, когда они в прошлом году ходили в настоящий поход с палаткой и варили в котелке кашу, вкуснее которой ничего не бывает. А потом мама возвращалась и говорила, как страшно по ним по всем соскучилась, и Анатолий на минуту верил, что и дальше жизнь пойдет уютно и хорошо, но тут же за чаем мама заводила заезженную пластинку о том, что сестре несказанно повезло, у нее-то невестка чудная девочка, уважает свекровь, большая редкость по нынешним временам, и вроде бы ни одного обидного слова, но будто химический состав воздуха менялся. Снова появлялись в доме обстоятельные солидные обеды, салат, суп, второе и десерт, воцарялись порядок и тишина, потому что не куролесили больше в доме Олины подружки, а «Узор-1» отправлялся обратно в ссылку на антресоли вместе с недоделанной доской.

И ведь кому пожаловаться – засмеют, мол, с жиру бесишься. Четыре человека в двух комнатах, пусть и смежных, считай, роскошь по нынешним временам. Мать здоровая, не лежачая после инсульта, дочь – отличница, жена – золото. Чего

тебе еще надо? Зачем бога гневишь? Радуйся, дурак, тому, что есть, а то хуже будет!

Ах, тебе кажется, будто воздух пропитан какой-то непонятной отравой? Будто посреди дома установлена заряженная мина, и вы все ходите бочком, лишь бы ее не задеть? А ты вообще кто, мужик или истеричка? Все так живут, а ты что, сахарный?

Сахарный он или нет – вопрос спорный, а хочется, чтобы жена и дочка жили в радости, и самому приходиться в уютный теплый дом, а не на минное поле. И второго ребенка хочется, чтобы сын родился, если, конечно, повезет, но и дочка тоже ничего. А может, сразу следом и третьего малыша стругануть, пока он еще сравнительно молод и силен.

Анатолий вздохнул. Когда вернулись в Ленинград, перед ним открывались широкие перспективы, но он специально пошел водителем на автопредприятие, чтобы получить квартиру. Мама с большим скрипом и скандалом согласилась прописать жену и дочь, плюс тут еще числилась сестра, жившая у мужа. Пять человек на сорок четыре метра – вполне весомый аргумент, чтобы встать на очередь и получить жилье без лишних проволочек. Он передовик производства, ударник коммунистического труда, победитель соцсоревнований, имеет государственные награды, в конце концов, не пьет, господа, да кому давать квартиру, как не ему? Анатолий думал, что получит квартиру года через три, и тогда можно будет слегка расслабиться, пойти доучиться в институт, а там выбиться в хоть небольшие начальнички. Прекрасный план у него был, только время шло, а очередь не двигалась. Иногда казалось, что вот-вот, уже начинала кружиться перед носом бумажка с ордером, только руку протяни и возьми, но находился кто-то попроворнее, и на долю Анатолия снова оставались неопределенность и ожидание.

...Мама наконец напилась чаю и проследовала в свою комнату. Подождав немного, Анатолий прислушался к дыханию Лизы. Нет, спит по-настоящему, и будить – свинство.

Он осторожно выбрался из-под одеяла, прокрался в кухню и тоже заварил себе чайку, не зажигая света. В темноте было не видно всякого хлама вроде старых банок, от которого мама категорически запрещала избавляться. Не вы покупали – не вам выбрасывать. Логично, конечно, только квартира, к сожалению, не резиновая.

Тут он вспомнил, что получит ордер совсем скоро, и повеселел. Буквально пару месяцев осталось помучиться, и все. И заживут, как сами хотят. Конечно, для этого придется ему совершить не совсем хороший поступок, отяготить совесть, но, с другой стороны, разве те, кто выхватывал у него квартиру из-под носа, поступали хорошо? Но они как-то договорились со своей совестью, поселившись на его законных метрах, значит, и у него тоже получится.

Мужчина прежде всего должен думать о своей семье, вот и все. Он просто не имеет права отнимать у них годы счастливой и спокойной жизни ради постороннего мужика, совесть которого уж точно не белее горного снега, если учесть, кто он такой.

Сентябрь

Алина Петровна вызывает меня к себе. Могла бы позвонить по местному телефону, но ей нравится раздавать указания лично. Приходится идти, хоть я ненавижу бывать в ее кабинете, который мог бы быть моим, но стал настолько ее, что и выглядит, как она сама, по-деловому и одновременно изящно. В громоздкой юбилейной вазе стоит букет роз, совсем свежий. Интересно, муж или коллеги? И по какому поводу?

Завидев меня на пороге, Алина Петровна ослепительно улыбается и встает мне навстречу.

– Инночка, дорогая, проходите, угощайтесь.

Она протягивает мне коробочку конфет, не иначе, белая госпожа знакомит дикарей с достижениями цивилизации.

Коробка действительно мудреная, в форме сердца, каждая конфетка завернута в яркую фольгу. В магазине такое не продается.

Я отказываюсь, но Алина Петровна настойчива. «Берите-берите!»

И все-таки нет. Я предлагаю перейти к делу.

– Ах, Инночка, проблемка пустяковая, – смеется начальница и тщательно закрывает дверь, – нужно всего лишь слегка поправить ваше заключение по той аварии.

Я делаю виноватое лицо, вспоминая, где могла напортачить. Вроде бы все по шаблону написала, данные перепроверила... Работа у меня скучная и однообразная, но я стараюсь, потому что это единственное, чем я могу еще чуть-чуть гордиться.

– Совсем капельку, – журчит Алина Петровна, – надо просто написать, что в крови пострадавшего не содержится следов алкоголя.

– Простите? – Я не так уж сильно удивлена этим предложением, но изображаю сильнейший шок, как викторианская старая дева, случайно увидевшая обнаженного мужчину.

– Ах, Инночка, не надо так остро реагировать, – начальница дарит мне одну из самых ослепительных своих улыбок, – просто вместо двочки поставьте нолик, и все. Нужно, чтобы бедняга оказался трезв.

– Но анализ показывает, что он был пьян, как сапожник.

– Тише-тише, Инночка, успокойтесь и поймите, что это необходимо сделать.

– Вы предлагаете мне сознательно сфальсифицировать результат экспертизы? – теперь я изображаю праведное негодование и, в общем, не так уж сильно наигрываю.

– Ах, Инночка, здесь задействованы серьезные, можно сказать, политические интересы. Вам трудно это понять, вы исполнитель, а я руководитель и вижу всю картину в комплексе.

– Зато я вижу два промилле алкоголя, и долг запрещает мне сделать вид, будто я их не вижу.

Алина Петровна хмурится:

- Не получается у нас разговора, Инна Александровна.

- Не получается.

- Вы ведете себя, как ребенок. Ну хорошо, если вы не видите дальше своего носа, я скажу, что поддержка на таком уровне откроет большие возможности перед всем нашим отделением.

Я пожимаю плечами.

- Да, это и новое современное оборудование, и научная работа, в конце концов, новое здание. Все это у нас появится, если вы поправите в заключении одну-единственную цифру.

Знаю, что не стоит, но не могу удержаться:

- А зачем нам новое современное оборудование, если мы будем в заключениях писать не то, что есть, а то, что надо? Пишущими машинками обойдемся.

Начальница морщится и поправляет свою безукоризненную прическу.

- Ах, как все-таки с вами трудно, Инна Александровна! Видимо, придется вам напомнить, что вы – моя подчиненная и обязаны выполнять мои распоряжения.

Господи, как же хочется запустить руку в безупречную прическу и приложить эту самодовольную рожу об стол... Раз пятнадцать, пока нос не встретится с затылком. Сил у меня хватит. Видение настолько сладостное, что я на несколько секунд выпадаю из действительности, смакуя его.

- Что вы молчите? Согласны?

- Что? – вздрагиваю я. – Ах, да. Да-да, Алина Петровна. Все сделаю, только пишите приказ.

- В смысле?

– Вы же начальник, вот и пишите: я такая-то такая-то, приказываю такой-то и такой-то сфальсифицировать результаты экспертизы по делу такому-то. Срок исполнения – сегодня. Контроль за исполнением приказа оставляю за собой. Впрочем, вы, руководитель, лучше меня должны знать, как это делается. Обещаю, что, как только получу приказ, немедленно его исполню, буквально в ту же самую секунду.

– Вы издеваетесь надо мной?

Улыбаюсь как можно простодушнее и развожу руками:

– Что вы, Алина Петровна... Как можно?

– Вы обязаны делать то, что я говорю, – чеканит начальница, – а поучать меня вы никакого права не имеете.

Она думает, что это звучит внушительно и грозно, поэтому я опускаю глаза.

Алина Петровна подходит ко мне ближе и шипит в самое ухо:

– Предупреждаю, или вы сделаете, что я говорю, или очень сильно пожалеете.

Я молча выхожу из кабинета. Навык сожаления о своих поступках и упущенных возможностях развит у меня очень сильно, поэтому я не боюсь ее угроз. Подумаешь, в общей куче я эту свою ошибку даже не замечу.

Весь день размышляю, не лучше ли сделать, как говорит Алина Петровна? В конце концов, если бы меня попросил о таком прежний начальник, то... Задумываюсь, согласилась бы я или нет, и успокаиваюсь только, когда понимаю, что Олег Иванович ни при каких обстоятельствах не предложил бы мне подобного. Если бы уж совсем край, то сам бы взял грех на душу.

С другой стороны, кому хуже от того, что пострадавшего признают трезвым? Вот если бы наоборот, трезвому нарисовать среднюю степень опьянения, тут да, а так-то...

Благое дело сделаю, принесу успокоение родным и, как утверждает Алина Петровна, пользу нашей лаборатории. Ответственная руководительница и заботница о подчиненных хочет чужими руками жар загребать, потому что если все откроется, то в тюрьму сяду я, а она ничего не знала.

Нет, не буду ничего исправлять. Профессиональная честь – единственное, что у меня осталось в этой жизни, если я и ее пущу на ветер, как все остальное, то можно сразу в петлю.

По дороге домой притормаживаю возле кондитерского отдела. Нечего мне там делать, но надо же как-то вознаградить себя за пережитое волнение, поэтому захожу внутрь и покупаю небольшой квадратный торт с розочками. В программе телевизора сегодня вечером заявлен хороший фильм, буду смотреть его под чай с тортом, и хоть полтора часа отдохну от глухой ненависти, бесплодных сожалений и смутных тревог.

Дома переодеваюсь в любимый фланелевый халат, ставлю чайник и, пока он закипает, пробегаю глазами по книжным полкам. Фильм начнется только через час, а пока единственное спасение от беспросветности бытия – это книга.

Смотрю на корешки, но ничего не вдохновляет. Вздыхаю. Нет мужа – значит некому собрать двадцать килограммов макулатуры, чтобы получить талон на хорошую книгу, и подруг нет, обмениваться не с кем. Тоска...

Вдруг раздается резкий звук. Черт, ко мне так редко ходят гости, что я не сразу соображаю, что это дверной звонок. Я заглядываю в глазок, и сердце екает. На площадке нетерпеливо переминается с ноги на ногу Мануйлов, дражайший супруг Алины Петровны. Когда-то я мечтала об этом, но сегодня слишком хорошо понимаю, зачем он здесь, поэтому отбрасываю мысль переодеться и открываю прямо так, в халате.

Войдя, он озирается и тяжело вздыхает. Красивое лицо мудро, печально и доброжелательно. Я выдавливаю из себя ностальгическую улыбку, хотя знаю, что единственное, что он сейчас испытывает, это сожаление, что проблему нельзя обсудить по телефону.

– Ничего не изменилось, – произносит он, садясь на старый венский стул.

Я остаюсь стоять. Делиться с ним своим тортиком не собираюсь.

Выдержав эффектную паузу, гость насупливает брови, отчего становится особенно похож на артиста Тимоти Далтона из многосерийного фильма «Джен Эйр», который недавно показывали по телевизору.

– Что это за выходки ты себе позволяешь? – сурово спрашивает он.

Пожимаю плечами.

– Алина – твоя начальница, нравится тебе это или нет, и ты обязана делать то, что она говорит.

– Извини, но в данном случае это не работает. Она может поручить мне провести экспертизу, при соблюдении определенных правил может приказать мне сделать это сверхурочно, может по производственной необходимости перевести меня на другую работу, словом, довольно много всякого Трудовой кодекс позволяет ей со мной сделать, но влиять на результат экспертизы она не может никак, уж прости. Тут я должна довериться биосредам и реактивам.

Мануйлов закидывает ногу на ногу, глядит на меня исподлобья и бурчит, что не надо притворяться душой и объяснять ему прописные истины.

Я пожимаю плечами и не понимаю, больно мне или нет. Вроде что-то ноет, как старые шрамы на непогоду, но не тянет даже на тень былых страданий.

– Ты где вообще живешь? В хрустальном замке?

– Как сам видишь, нет.

– Так какого черта выделяешься, как вошь на гребешке? Можно подумать, ты ни разу не мухлевала с результатами!

– Ни разу.

– Да ладно! – Он смеется, отдельно выговаривая каждое «ха», будто выбивает азбуку Морзе, – никогда в это не поверю.

- Дело твое.

- Ты вообще понимаешь, какие это люди и что они с нами сделают, если мы не пойдем им навстречу?

Я смеюсь:

- Да? И как, интересно, они собираются сделать мою жизнь еще хуже, чем сейчас? Лично мне такой способ неведом.

- Будешь дальше выделяться, так немедленно узнаешь.

- Слушай, дорогой, - говорю я, - ты так хорошо по мне проехался, что уверяю тебя - даже если меня расстреляют, будет только лучше.

Мануйлов морщится:

- Знаешь что, Иннуля, не надо песен! Мы оба знаем, кто из нас виноват.

Пожимаю плечами. Видимо, имеюсь в виду я, что ж, ничего нового. Одинокие люди всегда сами во всем виноваты. Мой гость шарит по карманам и, не спросясь, закуривает. Я молча смотрю, как он привычным, машинальным жестом подвигает к себе хрустальную пепельницу. Да, она стоит там же, где и шесть лет назад, я не выкинула ее и не разбила, хотя сама не курю. Он закидывает ногу на ногу, стул под ним тоскливо скрипит. Потяжелел седок, заматерел...

- Сейчас не время сводить старые счета, - бросает Мануйлов между затяжками, - и от твоего ослиного упрямства пострадаешь, кстати, прежде всего ты.

- Спасибо за заботу, но не волнуйся обо мне. Я привыкла к неприятностям.

- Значит, нет?

- Нет.

Мануйлов с силой тушит сигарету в моей пепельнице и встает. Глаза белеют, лицо искажается. Он гневлив, я помню.

Он подходит близко, как для поцелуя, и смотрит сверху вниз.

– Значит, так! Завтра ты пойдешь на работу и напишешь то, что тебе говорят, – шипит он.

Я смотрю, как в уголках его рта мелко пузырится слюна, и думаю, что нужно обещать все что угодно лишь бы только он ушел, но какой-то черт толкает меня под руку, и я говорю, что фальсифицировать заключение не стану.

– Да что ты о себе возомнила, корова! – орет Мануйлов. – Ты никто и звать тебя никак. Завтра передадим другому эксперту, а тебя пинком под зад.

Я делаю вид, что смеюсь:

– Простите, а у нас разве вернули крепостное право?

– Для таких как ты и не отменяли его, уж не сомневайся. Три опоздания, и полетишь по статье, а мы еще тебя дерьмецом польем так, что никуда в приличное место на работу не возьмут.

Мануйлов успокаивается, снова опускается на стул и закуривает новую сигарету.

– Вывела меня, дура!

– Тебя сюда никто не звал.

Обида легонько колет мелкими иголочками, как бывает, когда восстанавливается кровоток в замерзших руках или ногах, но я знаю, что поддаваться ей нельзя. Не дай бог выйти из равновесия, встретиться лицом к лицу с собой и понять, как чудовищно ты изуродовала своими собственными руками свою собственную единственную и неповторимую жизнь. Если осознать, что с тобой на самом деле происходит, то рухнешь в бездну, на дне которой или самоубийство, или беспросветный алкоголизм, что по большому счету тот же суицид, только растянутый во времени.

Нет, если думать, вспоминать и сердиться, то пропадешь. Только апатия и чай с тортиком, ибо единственное спасение – это анабиоз.

– Господи, какое счастье, что я на тебе не женился, – вздыхает Мануйлов, – а ведь хотел.

– Не ври!

– Хотел, но, слава богу, вовремя понял, что с тобой что-то не так.

– И что же? – спрашиваю, хотя ясно, что не надо.

Мануйлов смеется:

– Да ты в зеркало на себя посмотри! Раскисшая баба! Ну что ты лезешь со свиным рылом, что строишь из себя, я же помню, что ты дерьмо готова была жрать с лопаты ради лишнего рубля, а тут вдруг принципиальность взялась не пойми откуда.

Нет, нельзя его слушать, он специально так говорит, от злости.

Тем временем Мануйлов достает из внутреннего кармана пиджака бумажник и вынимает оттуда розовую купюру:

– Хочешь?

– Убери.

– Ты же за копейку удавишься!

– Ничего подобного.

– Неужели? А что ж магнитофон мне не отдала? Кстати, я через полгода уже купил новый, так что не думай, что ты сильно меня тогда уела.

Точно, магнитофон, серебристый «Шарп», чудо техники, последний на тот момент писк моды, лежит у меня в дальней кухонной тумбочке вместе с тяжелой латунной ступкой, туркой и формочками для печенья. Это утварь для семейных людей, поэтому тумбочка не открывалась уже много лет.

Тогда я думала, что он откладывает деньги на нашу свадьбу, а он купил магнитофон и женился на Алине Петровне.

Я не отдала «Шарп» не потому, что он был куплен на мои средства, хотя, в сущности, дело обстояло именно так, все бытовые расходы лежали на мне, нет, я притырила его из совсем других соображений. Все было сказано, точки над «и» расставлены жестко, но я почему-то надеялась, что он придет за магнитофоном и тогда я найду какие-то волшебные слова и смогу уговорить его остаться.

Это японское техническое чудо, приобретенное у какого-то морячка, было моим последним шансом на счастье.

Не сработало. Так, может, швырнуть его Мануйлову в лицо?

– Ну что, – скалится он, – вижу, разгорелись глазки. Может, мало десятки?

Пожимаю плечами. Главное сейчас – не поддаваться, не думать, что в его словах есть хотя бы доля правды.

– Могу дать и четвертной, я человек не бедный.

Ему весело, я помню, что после вспышек ярости у него всегда приподнятое настроение.

– Посиди, я сделаю тебе кофе, и поговорим, как взрослые люди.

Я выхожу на кухню.

Сквозь тонкую стенку слышу, как Мануйлов расхаживает по комнате, напевая себе под нос. Вот и появился повод открыть забытый шкафчик с утварью для семейных людей. Половицы скрипят у него под ногами, а я, гремя посудой, стараюсь приготовить кофе именно так, как он любил, крепкий, с щепоткой соли

и перца, и снять с огня за миллисекунду до закипания.

Интересно, варит ли ему кофе Алина Петровна?

Маленькую чашку костяного фарфора беру из серванта в комнате, заодно прихватываю шаль, потому что от волнения меня всегда знобит.

- Итак, ты готов заплатить за нужный тебе результат? - ставлю кофе на журнальный столик. - По-прежнему без сахара?

Он берет чашку и делает маленький глоток:

- Что ж, неплохо. Хотя бы кофе варить ты еще не разучилась.

- Спасибо, - я кутаюсь в шаль, - давай к делу.

- Так я все сказал. Четвертной билет устроит?

- То есть ты даешь мне двадцать пять рублей, а я рисую нолик вместо двух промилле в экспертизе крови Воскобойникова?

- Ну да, - Мануйлов раздраженно пожимает плечами, - или так, или получаешь крупные неприятности.

- Непростой выбор, - улыбаюсь я.

Мануйлов говорит, что думать тут нечего, и требует, чтобы завтра в одиннадцать часов готовое заключение лежало на столе у Алины Петровны.

Я молча протягиваю руку и забираю у него двадцать пять рублей не столько потому, что люблю деньги, сколько потому, что их любит он.

Оскорбления мои на него не действуют, так хоть по кошельку ударю, и то хлеб.

Раз он так легко расстался с деньгами, значит, рассчитывает получить за эту экспертизу что-то очень важное, ибо я никогда не поверю, что им движет

светлое желание укрепить в сознании народа веру в непогрешимость его вождей.

Интересно, что обещали дружному семейству? Повышение по службе или путевку за границу? Или улучшение жилищных условий? Что-то очень серьезное, иначе Мануйлов сюда не приперся бы.

Закрываю дверь за неожиданным визитером, смотрю на часы. Фильм начнется через пять минут, слава богу, я ничего не пропустила. Гад Мануйлов не заставит меня отказаться от моих вечерних планов. Ставлю чайник, несу торт к своему любимому креслу перед телевизором. Сладкое вкупе с интересным неплохо заглушают гнев и тоску, на себе проверено.

Главное сейчас – не смотреть на себя его глазами. Не думать о том, что я никто и звать меня никак, потому что это правда. Как там в романе «Мастер и Маргарита»? «Теперь его уносил, удушая и обжигая, самый страшный гнев, гнев бессилия». Хочется спросить: ах, Пилат, что ты знаешь о бессилии, если никогда не был простой советской женщиной средних лет?

Сентябрь

Худшие опасения Ксюши сбылись на следующее же утро. Обычно первые красавицы класса Лена с Олей и примкнувшая к ним упакованная Киса даже не смотрели в ее сторону, но сегодня бросились ей навстречу, как только она вошла в класс.

– Здравствуйте, настоящая комсомолка, – воскликнула Лена, восторженно всплеснув руками, – как вы только до нас снизошли?

– Девчонки, да я просто... – пробормотала Ксюша, но ее перебила Киса, согнувшись в поклоне, как это делают мужики в мультфильмах по мотивам русских народных сказок.

– Исполать тебе, героиня!

– Взошла путеводная звезда, – засмеялась Оля, – ой, а где же ваша повязка с красным крестом и полевая сумка?

Ксюша огляделась. Остальные ребята молчали, но видно было, что им весело и они ждут, когда девочки скажут что-нибудь еще смешное.

– А может, вы не санинструктор, а ППЖ?

Все засмеялись. Ксюша не знала, что такое ППЖ, но догадалась, что что-то обидное.

Дернув плечом, она прошла мимо девочек и села за свою парту.

Начался скучный урок обществоведения. Учительница будто сама понимала, какая тоска ее предмет, поэтому не слишком налегала на дисциплину, и два друга с третьей парты, Дима и Паша, всю первую половину урока что-то рисовали, пригибаясь от смеха к парте, а потом пустили по рядам листочек, на котором, когда он достиг соседней парты, Ксюша, присмотревшись, узнала себя. Она была изображена ползущей по полю боя почему-то в сетчатых чулках и с вытянутыми трубочкой красными губами, а из гимнастерки вываливалась такая пышная грудь, какой у Ксюши отродясь не было, и в будущем тоже не приходилось рассчитывать на подобное великолепие.

Еле сдерживая слезы, Ксюша попыталась убедить себя, что картинка не слишком обидная и вообще это ненадолго, скоро появится что-то более интересное, и о ней снова забудут. И вот когда поверить в это почти удалось и забрезжила надежда на спасение, в ту же секунду открылась дверь, и в класс величественно, как авианосец, вплыл директор собственной персоной, а секретарь комсомольской организации и пионервожатый держались у него в кильватере. В руках директор держал букетик красных гвоздик.

Все нехотя и разрозненно встали, грохоча стульями.

– Садитесь, ребята, а ты, Ксюша, подойди сюда, – повелел директор.

Она вышла к доске на ватных ногах.

Директор с чувством пожал ей руку, вручил цветы и произнес небольшую речь о том, как он рад, что вверенная ему школа воспитала такую замечательную и героическую девочку, как гордится Ксюшей и уверен, что ее, смелую, сообразительную и отзывчивую, ждет большое будущее.

Речь была очень хорошая, и Ксюша, ей-богу, прониклась бы, если бы не знала, как ей это «слово отзовется».

– Я благодарен тебе не только как педагог, но и как автолюбитель, – улыбнулся директор почти совершенно по-человечески, – ведь гораздо приятнее ездить, когда знаешь, что есть на свете люди, готовые прийти на помощь в критический момент. Молодец, Ксюшенька! Так держать!

Директор положил руку ей на плечо, и Ксюша чуть не расплакалась от неловкости. Директор был глыба, матерый человечище, что-то такое из области мифологии, титан и гиперборей (Ксюша не сильно знала, кто из них кто), и видеть, что этот исполин сошел с пьедестала и превратился в обычного добродушного дядечку ради такой ничтожной козявки, как она, было страшновато.

Секретарь комсомольской организации и вожатый тоже пожали ей руку, затем делегация удалилась так же величаво и в том же порядке.

Листок с карикатурой на нее возобновил свое неумолимое движение по рядам. Еще две парты, и он попадет в руки Вани Корнеева, и тогда... Плохо тогда.

Учительница, ласково улыбаясь, проводила Ксюшу к ее парте, а цветы поставила в вазу, чтобы не завяли.

Это было Ксюше все равно. Главное, что она сейчас окончательно опозорится в глазах Вани, и это будет конец, потому что Корнеев – ее первая любовь.

Строго говоря, не совсем первая. Впервые она влюбилась еще в седьмом классе в мальчика на три года старше. Сердце екало, когда она его видела, а он даже не подозревал не только о ее чувствах, но и о том, что вообще на свете существует человек по имени Ксюша Кругликова.

Она мечтала, как вдруг в один прекрасный день он наконец ее разглядит и тоже влюбится, как и она в него. Описаны же, черт побери, такие явления в мировой литературе, и фильмов вон сколько на эту тему, за всю жизнь не пересмотришь. Она смогла, а он почему нет? Всем же известно, что красавицы – дуры, эгоистки и вообще ненадежные люди, настоящие мужчины выбирают скромных девушек, мама так прямо не устает повторять этот тезис. А вдруг оно и правда так?

Сердце замирало от сладких видений, но время шло, и ничего не происходило. Мальчик закончил школу, оставив Ксюше свой светлый образ для упоительных фантазий, которые, как она теперь знала, никогда не воплощаются в реальность.

Иногда она встречала его на улице, не совсем случайно, потому что старалась ходить через квартал, где он жил, и душа все так же трепетала в ожидании чуда. А он все так же смотрел сквозь нее. Ксюша читала новеллу Цвейга «Письмо незнакомки» и представляла себя на месте героини, и думала, что могла бы так же самоотверженно служить предмету своей любви, потому что прекраснее этого ничего нет, но прошел еще год, и пришла пора взрослеть, то есть понимать, что жизнь – скучная и тяжелая штука, в которой великая любовь начинается вымученной свадьбой «по залету», а кончается разводом и дележкой имущества.

Мальчик попадался на улице все реже и постепенно выветрился из Ксюшиной головы, и она сначала обрадовалась освобождению из плена страсти, но очень скоро оказалось, что без любви жизнь какая-то неполная. Ксюша огляделась, и лучшим юношей, по которому приятно страдать, показался ей Ваня Корнеев, новичок, в этом году переехавший с семьей из Благовещенска.

Если Ксюша за десять лет не смогла стать в школе сколько-нибудь заметной девчонкой, то Ваня завоевал популярность за десять минут. Очень красивый парень, он чем-то напоминал артиста Столярова, только артист Столяров такой прямо хороший-хороший, что и на человека не очень похож, а в Ване чувствовалась чертовщинка, адская глубина. Уже этого бы хватило, но Ваня еще и прикинут был круто, и кандидат в мастера спорта по большому теннису. О ком мечтать, как не о нем?

Ксюша поежилась, глядя, как листок неумолимо подползает к Ваниной парте. Ребята разглядывают, хихикают, что-то подрисовывают, наверняка унизительное и неприличное.

Хоть бы учительница отобрала, но она, как всегда, делает вид, что ничего не замечает, долдонит свой бред про господство финансовой олигархии, Ксюша понятия не имела, что это такое и вникать не собиралась.

Конечно, надеяться на взаимность глупо. Ваня сразу начал тусоваться с нормальными ребятами, Ксюша для него никто, но с этой ролью она давно смирилась. Но господи, так не хочется превращаться в объект насмешек! Пусть бы не замечал, лишь бы не ржал!

Она с замиранием сердца следила, как листок неумолимо доползает до Ваниной парты. Вот сидящая перед ним Киса обернулась и, подмигнув, передала ему листок. Ваня взглянул и вдруг сложил его и спрятал в карман.

Ксюша едва не застонала вслух. Теперь Ваня будет долго над ней глумиться. Сам посмотрит, а потом покажет друзьям из своей теннисной секции, смотрите, какая у нас в классе учится сумасшедшая. Та самая дебилка, про которую в телике рассказывали.

Ох, лучше бы она тогда на автобусе поехала!

Остаток дня прошел ужасно. Девчонки не унимались, называли ее «ваше геройшество» и «ваше комсомольшество», Киса на перемене склонилась в реверансе: «Там в сквере статуя вам свой постамент уступила, не желаете ли занять?»

Острили про мемориальную доску и бюст на родине героя, каковой из-за величия Ксюшиного подвига сделают не нулевой, а четвертый размер.

Ксюша отмалчивалась. Если бы Ленка была рядом, а не на спортивных сборах, вдвоем они нашли бы, что ответить, но сама она не могла придумать ничего достойного, сил хватало только не расплакаться.

На большой перемене захотелось поесть, но Ксюша не пошла в столовую. Еще неизвестно, даст ли мама денег на новый фартук, и лучше сэкономить, а, главное, ребята наверняка устроят представление из покупки ею коржика. Не стоит рисковать.

Во время перемен полагалось гулять по коридору. На втором этаже, где малышня, стоял ор и броуновское движение, а на третьем старшеклассники чинно наматывали круги, объединившись в пары и тройки. Без Ленки Ксюше ходить было не с кем, а в одиночку это бы выглядело совсем ужасно, поэтому она подпирала подоконник и думала, не перейти ли в другую школу. В Ваню она, конечно, влюблена с первого взгляда, но, с другой стороны, знакома с ним всего неделю, наверное, получится забыть. Все равно она для него клоун несурзанный, бесноватая дура.

Перейти в новую школу, где не знают, как она отличилась, и не станут издеваться. Хорошо бы, но мама не позволит, потому что выпускной класс. Надо готовиться к поступлению и получить хороший аттестат. Здесь учителя нормально к тебе относятся, четверку всегда выведут, а в другой школе еще неизвестно... Здесь английский, а там что? В общем, нечего и думать о переводе, надо терпеть. Железное правило такое – если не реагируешь на насмешки, то тебя оставляют в покое в два раза быстрее.

Главное, почаще проверять спину, чтобы не приклеили какой-нибудь гадостный плакатик. И купить уже нормальный черный передник, а не рассекать, как белая ворона.

Тут Ксюша вспомнила, как в новостях недавно говорили, что появилась новая школьная форма для старшеклассниц. Не дурацкое платье, а синие костюмы в двух вариантах, классический и спортивный. В первом юбка и пиджак, во втором – юбка и куртка с пояском и множеством карманов, кажется, такие называются френч. Пока это на стадии эксперимента, но форма уже продается в магазинах. А если попросить у мамы вместо фартука купить такой комплект? А у бабушки одолжить под него любимую блузку с кружевным бантиком и так явиться в школу? Сразу все забудут, что она настоящая комсомолка и героическая героиня.

План, конечно, утопический, но ради восстановления репутации стоит рискнуть.

Вернувшись домой, она сделала генеральную уборку, вылизала до блеска плитку и сковородки, надеясь, что это существенно повысит шансы на субсидию, а после для гарантии взяла бидон и банку под сметану и отправилась в гастроном. Пока стояла в очереди, репетировала разговор и продумывала доводы, способные убедить маму, что форма нужна не из дурацкой прихоти, а по-настоящему. Достойных аргументов не нашлось, и Ксюша решила уповать на «ну пожалуйста-пожалуйста», но, войдя в квартиру и увидев лица мамы с бабушкой,

сразу поняла, что о новой форме нет смысла даже заикаться.

Замогильным голосом мама сообщила, что звонил человек, который представился следователем и хочет поговорить с Ксюшей насчет аварии, а бабушка заметила, что до сих пор их семья не имела ничего общего с правоохранительными органами и что подобная бойкость девушку не красит. Они хотели бы оградить Ксюшу от этого ужасного опыта, но следователь был очень настойчив. Одна надежда, что Ксюша наконец поймет – никогда не нужно лезть, куда тебя не просят.

Ноябрь

Федор лежал на кровати поверх покрывала и смотрел, как за окном льет черный ноябрьский дождь, мелкий, скучный и безнадежный. Солнце давно зашло и опустились сумерки, тяжелые, как асфальт. Стемнело, но он не зажигал света. Так, в сумраке, среди неясных очертаний, легче было предаваться самому бесполезному занятию на свете – представлять то, что могло бы быть.

Он думал, что сейчас животик у Глаши уже стал бы немножко заметен, и он бы подолгу держал на нем ладонь, в ожидании, пока малыш шевельнется, и они гадали бы, кто там, мальчик или девочка, и спорили, как назвать.

На глаза накали едкие слезы, и тут же в голову непрошеными вторгались мысли о том, как меняется человеческое тело после смерти. Федор гнал их от себя, но ужасные видения вновь и вновь вставали перед глазами.

Дверь спальни слегка приоткрылась.

– Федор, ты не спишь? – тихонько спросила Татьяна.

– Нет.

– Как ты себя чувствуешь? Может, что-нибудь принести?

Он сел, зажег свет и сказал, что с ним все в порядке.

Жена тихонько подошла и села на край кровати. Федор прикрыл глаза и почувствовал на своем плече легкое прикосновение ее руки.

- Ты все-таки скажи, если я чем-то могу помочь, - негромко проговорила Татьяна.

- Да чем тут поможешь...

- Ну да. Время только если, и то навряд.

- Ты прости меня, Таня, что так вышло.

В неверном свете уличного фонаря Федору показалось, что она улыбается.

- Не за что прощать. Я не сержусь на тебя, Федя.

- Правда?

- Конечно. Я знаю, что ты меня никогда не любил.

- Почему?

- Знаю, и все.

- И за это прости.

- Я тоже тебя не любила.

- Правда?

- Да.

Федор сел на кровати:

- А зачем тогда замуж за меня вышла?

Татьяна пожала плечами и усмехнулась:

- От стыда и отчаяния. Мне было все равно куда, хоть к черту в зубы.

- Почему?

- Федя, я принесла в подоле, как ты думаешь, родители простили мне такой позор? Как же, девочка из такой семьи и вдруг мать-одиночка! Папа еще ничего, а мама вела себя со мной как с последней шлюхой. Самоубиться я не имела права из-за Ленки, уйти из дома боялась из-за нее же, оставалось два варианта - или психушка, или ты.

- Да, нелегко тебе пришлось. А я-то думал, что понравился тебе.

- Вообще нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/mariya-voronova/vtoroy-oshibki-ne-budet>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)